

«КИТАЙ – НАСТАВНИК КОНСЕРВАТИЗМА».

АФОРИЗМЫ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

*Профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, ответственный редактор альманаха «Самопознание»,
заместитель главного редактора сайта «Русская idea»*

После революции большая часть не принявших новую власть устремилась в Европу — и Берлин, Париж, Прага, Белград, Рига, София стали центрами русского зарубежья. Но был такой же исход и на Восток, в край «желтой опасности», так пугавший софиолога Вл. Соловьева, неоднократно предупреждавшего современников, в том числе и в последней работе «Три разговора» (1900), где в «Краткой повести об антихристе» много говорится и о панмонголизме, азиатском нашествии на Европу¹. Но на фоне «красного террора» край «желтой опасности» был уже местом спасения, будь то Китай или Япония, с которой Россия не так давно воевала.

Среди оттесняемых на Восток был, к примеру, Николай Васильевич Устрялов, прежде бежавший из Калуги в Москву, затем в Пермь, откуда с войсками Колчака переехал в Омск. Здесь же оказался Всеволод Никанорович Иванов, устроившийся на кафедре философии права Пермского отделения Петербургского университета и в Русском бюро печати в должности вице-директора. Устрялов вскоре отправится

¹ И даже умирая в имени Узкое, Соловьев успел поговорить с кн. С.Н. Трубецким об обожестве европейской дипломатии, проглядевшей угрозу с Востока, о вреде мечтаний о союзе с Китаем против англичан, после чего, уже в бреду, разглядел на спинке дивана надвигающиеся несметные полчища и желтые гримасничающие лица.

в Иркутск, откуда, после захвата города красными, уедет с японским эшелоном в Харбин, куда по его рекомендации прибудет и Иванов.

Работая на Юридическом факультете, профессор Устрялов выпустил сборник статей «В борьбе за Россию»², ну а Иванов с марта 1920 по май 1921 г. сотрудничал с местными газетами, затем издавал и редактировал «Вечернюю газету» во Владивостоке и был близок к кругам Приамурского правительства. После падения «врангелевского» Крыма и ликвидации фронтов на европейской части России сопротивление советской власти продолжалось в виде разрозненных «контрреволюционных» мятежей, однако на другом краю распавшейся империи, во Владивостоке был свергнут большевистский режим и сформировано временное Приамурское правительство, которое даже успело (в 1922 г.) созвать Земский Собор.

В это же время состоялась поездка Иванова в столицу Китая, куда его «привела ... древняя мудрость Пекина»³. В 1922 г. он эмигрирует, подвезя

² Подготовлен после падения правительства Колчака, которое он «поддерживал, как мог, до последней минуты его существования», за что противники слева называли его «теоретическим столпом омого разбоя».

³ Иванов Вс. Н. Исход. Воспоминания. Хабаровск: «Посредник», 2008. С. 346. Свой очерк «Пекин» он напишет и опубликует позднее, в 1931 г., в журнале «Багульник» (Харбин).

итог этому периоду своей жизни в документальном очерке «Крах белого Приморья». 22 октября Иванов сел на пароход «Хузан Мару», который взял курс к берегам Кореи. Перед отплытием он успел подписать для армии листовку, веря в то, что «кончится братоубийственная война и не будет ни красных, ни белых, а единый, свободный, великий русский народ». Однако, не найдя себе места ни в Корее, ни в Японии, Иванов направился в Шанхай, а оттуда снова в Харбин, который был самым крупным центром российской эмиграции на Дальнем Востоке, где функционировали русский суд, почта, полиция, городское самоуправление, поселилось множество политических деятелей всех толков, профессуры, педагогов, духовенства, докторов, представителей чуть ли не всех казачьих войск в лице их атаманов.

Среди наиболее влиятельных общественно-политических течений в Харбине были монархисты, «сменовеховцы» и евразийцы, игравшие заметную роль и в Европе. Там в начале августа 1921 г. в Софии появился сборник статей четырех авторов «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский). Тем временем в Харбине в 1926 г. в издательстве «Бамбуковая роща» появляется сочинение Всеволода Никаноровича Иванова «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности»⁴.

Стоит отметить также, что шестью годами ранее Евгений Замятин написал антиутопию «Мы», в которой пытался в завуалированном виде представить контуры возможного будущего, создаваемого новой властью. Впрочем, советская цензура — хотя действие разворачивается приблизительно в 32 веке — сразу же усмотрела в романе издевку над коммунистическим строем (люди названы «нумерами», гладко бреют голову и носят «юнифу», т.е. одинаковую одежду, и лишь гласная или согласная буква в начале «нумера» указывает на принадлежность к женскому или мужскому полу) и запретила публикацию, так что сочинение появилось на английском языке в Нью-Йорке в 1924 г. Но «Мы» Иванова имеет совершенно иную направленность, и в поисках идентичности он предпринял ретроспективный анализ, определив коллективное «я» в историческом экскурсе.

В предисловии к книге автор признается в симпатиях к движению евразийцев, которое «должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми», поскольку из их исследований «веет душистостью степей и пряными запахами Востока», они вносят правильную «поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Константину Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы», и что только пересмотром истории Востока «найдем мы самих себя»⁵. Однако евразийцы, как

⁴ В России переиздан под названием «Мы на Западе и на Востоке: Культурно-исторические основы русской государственности» (СПб., 2005).

⁵ Иванов Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926. С. 15.

полагал Всеволод Никанорович, «не рисуют тех огромных перспектив, которые возникают перед нашим народом, как только мы подходим к делу со стороны Азии; вот где возможны разработки идеологии, вот где такие всенародные пути, из которых один следует за другим в своей очевидной ясности и справедливости и которые, может быть, снимут противоречия, поставленные нашей революцией». Только в отличие от евразийцев, осмысливающих исторический путь России из Европы, Иванов делал это с Дальнего Востока.

* * *

Главным условием дальнейшего развития России, с его точки зрения, является осознание соотечественниками «нашей русской культуры именно в форме свойств нашей государственности, каковая является наисовершеннейшим плодом этой реальной культуры». Для этого необходимо четко определиться со своим отношением к Западу и Востоку по тем вопросам, которые уже начали исследовать евразийцы. Поскольку Запад и Восток, как типы культур, находятся в антагонизме, то нам не остается ничего другого, как присоединиться к одной из этих сторон, а не искать «средней линии».

И отвечая на вопрос, к какому же из двух мировых очагов культуры мы чувствуем «живое тяготение», Иванов отмечает, что исключительно к «азиатскому», поскольку только там, «в огромных пространствах пустынь, степей, алмазных гор, чудесных городов, условного размеренного быта, практической любвеобильной мудрости, там, где напряженность духа в буддийских, в даосских взлетах разрешается и гармонически сочетается с практицизмом конфуцианства, только там на нас дышит то, что всегда прельщало нас — естественное огромное богатство самой жизни. Запад творит, работает над своим самодельным богатством, но марка Made in West не сможет конкурировать с тем, на чем лежит отпечаток божественного происхождения или даже эпигонства бесконечно далеких колоссальных ранних культур».

Положительно оценивая деятельность адептов «Исхода к Востоку», обосновавшихся в городах Европы, Иванов недоумевал, почему движение должно быть «евразийским, а не просто азийским». Ведь именно в Азии мы «дома», и это нужно понять, поскольку «возникают перспективы для нашего обращения лицом к Тихому океану, что произойдет в течение ближайшего столетия».

И, соответственно этой новой геополитической ориентации, в ближайшем будущем необходим пересмотр основных положений нашей истории, которым и должно быть теми или иными путями исполнено наше общество, и в этом пересмотре особо важным является анализ «основных культурно-исторических черт нашего прошлого как регулирующего маховика в настоящем».

Отрицая норманнскую теорию происхождения русской государственности, Иванов выдвигает идею о позитивной роли татаро-монгольского ига в становлении Московского государства, соединившего народы в границах империи Чингисхана. Такие же формы государственности на территории Руси, как империя Святослава, Киевская Русь, попытки объединения северо-восточных земель Андреем Боголюбским, рассматриваются им как подготовительные и не имеющие решающего значения для возникновения Российской империи. В противостоянии Москвы и Киева, по убеждению Иванова, перевес всецело на стороне Москвы, которая опиралась на восточное начало, что и сделало ее земли величайшей империей, в то время как

киевское государственное образование смогло стать лишь сочетанием западных и славянских черт, своеобразным, но не значительным.

Итак, ключ к России, как государству московскому, найден был нашими предками среди бесконечных равнин к востоку от Москвы. При Иване Грозном Московское царство «прочное сидит на хребте царства Монголь-

ского, найдя в хребте этом замену шаткому и неопределенному содержанию понятия славянства». Как и авторы «Исхода к Востоку», Иванов признает одним из существенных источников становления русской государственности монгольскую составляющую, но корни последней он усматривает в государственности китайской, поскольку, с его точки зрения, школа административной культуры, финансовая система, налаживание почтовых отношений и путей сообщения в государственном масштабе, организация военного дела, перенятая нами у монголов, имеют свое начало в Китае.

Две главы книги «Мы» посвящены движению русского государства на Восток и на Запад, изображению того, «как сам народ русский собирает свою землю». «Если мы поставим вопрос в упор: какая часть России является подлинно целостной по духу, по типу, по говору, по великороссийским идеалам, которыми жило наше Отечество, то это, конечно, будет Восточная Россия, подлинно

ИВАНОВ ВЫДВИГАЕТ ИДЕЮ О ПОЗИТИВНОЙ РОЛИ ТАТАРО- МОНГОЛЬСКОГО ИГА В СТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

«новая Россия»...». Восток стал «огромным монолитом» — «носителем спокойной русской государственности», гарантом ее несокрушимости. Относительно взаимоотношений России с Западом Иванов солидарен с евразийцами: «Сильная Россия Европе была не нужна — эту формулу мы можем считать ныне установленной с большой точностью».

Но заявляя о своей близости к евразийцам, Иванов вступает с ними в полемику, когда размышляет о роли и месте Петра I в истории России. Петр I представлен как европеец, свободным, творческим духом дышащий продолжатель дела Чингисхана и его московских наследников. Петр I, пишет он, «сам оказался новым человеком в европейском смысле и сумел предупредить для нас возможную опасность быть загнанными за Урал, в Азию, сумел сохранить азиатские навыки наши, создавшие Россию в том виде, в каком мы ее знаем»; в Петре Великом «самодержавное наше государство, следуя необходимой обстановке, развернулось с колоссальной силой в сторону исключительно государственных интересов, впитав в себя в лице своего гениального повелителя упругий дух европейского рационалистического метода».

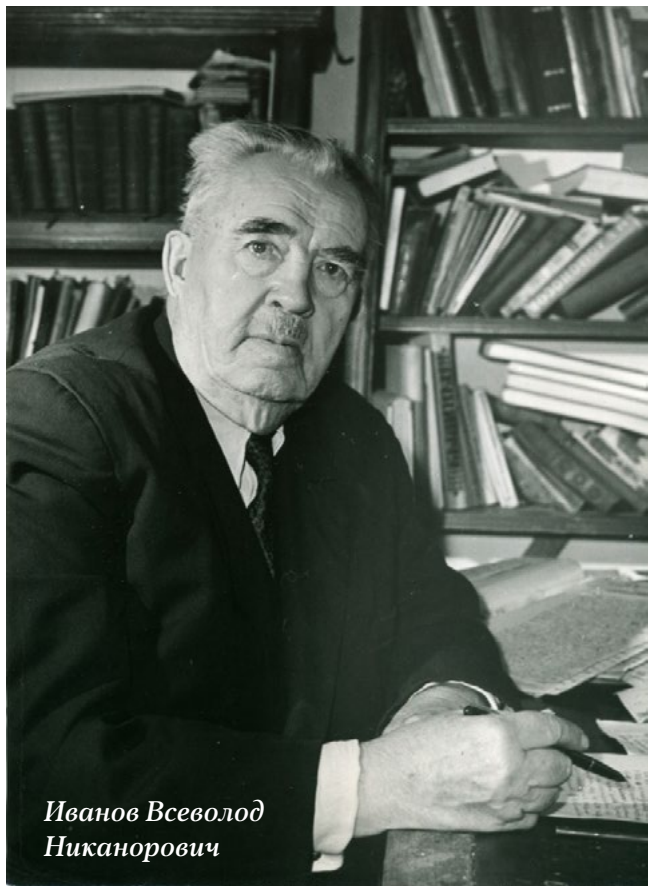
Поскольку русская государственность и русская великодержавность связаны генетически с государственностью и великодержавностью монгольскими, и после распада Монгольской империи Московская Русь сделалась ее наслед-

ницей, то последующая русская экспансия была уже движением, ответным на монгольское, шла в обратном направлении, но по тем же путям, так что теперь мы наблюдаем создание великой «азиатской», или «евразийской», империи. «Вполне возможно, — заявляет Иванов, — что мы ныне присутствуем при зарождении новой эры мировой истории — эры тихоокеанской, или азиатской, после эры европейской»⁶.

Таким образом, «Мы» Иванова существенно дополняет и развивает — применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону — концепцию евразийцев, смотревших на Россию «с Запада»: из Софии, Праги, Берлина, Парижа. Однако подобное смещение точки зрения не могло не вызвать попытки коррекции, что и произошло, в частности, в рецензии В.П. Никитина, выступавшего от имени евразийцев. Критикуя Иванова за идеализацию Азии и доказывая правомерность термина «евразийство», Никитин сблизил Россию и Персию, отстаивая тезис евразийства о значении не только монгольских, но и арийских истоков русской культуры. В ответ на эти замечания Иванов призывал евразийцев увидеть Азию своими глазами, «а не конструировать, подчас весьма талантливо, азиатские просторы из противоположения асфальтовому запаху парижских и берлинских улиц»⁷.

⁶ Там же. С. 367.

⁷ Никитин В.П. Переписка с «азиатом» В. Ивановым (автором «Мы») // «Евразийская хроника». Вып. 6. Париж, 1926. С. 6.

Иванов Всеволод
Никанорович

В ходе развернувшейся дискуссии были затронуты такие проблемы, как «европеизация Азии», «американизация Японии» и «паназиатизм». В частности, в одном из писем В. П. Никитину из Цинанфу в Париж Иванов отметил, что он наблюдает «не «движение Азии на Запад», а своеобразный процесс усиления и одухотворения западной культуры известными элементами вечной Азии, никуда не идя»⁸. Также он выступил против узкого понимания паназиатизма, отмечая, что «современный паназиатизм — это обратная волна той культуры, которая, прихлынувши к Атлантике в начале нашей примерно эры, летит теперь обратно, завершая культурный круг, создавая государства, как быть надлежит, <...> которые будут правдивее, чище, крепче современных европейских образований, подобно тому, какой была Россия, одухотворяя Тихий Океан...»⁹.

В 1931 г. Всеволод Никанорович официально поступил на работу в советскую газету «Шанхай Геральд», выходящую на английском и русском языках, и получил советский паспорт. К этому времени он составил для посольства СССР обозрение по литературе Китая, по всем его 23 провинциям. Одна за другой вышли его философские работы — «Философия Владимира Со-

ловьева» (Харбин, 1931) и «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933).

В последнем труде, посвященном «почитаемым учителям Вильгельму Виндельбанду и Генриху Риккерт», Иванов подбирает неокантианский ключ к культуре, выделяя законы конститутивные (мир природы) и инвентивные (мир культуры), выявляя их диалектические связи. Также в это время появляется книга статей и очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932), составленная автором из прежних публикаций в газетах и журналах Владивостока и Харбина, представляющая «как бы лабораторный журнал этого опыта, который велся мною по долгу журналиста и наблюдателя».

«Знаю, — пишет он в «Огнях в тумане», — много в ней разрозненных заметок, неполных наблюдений, догадок, которым не суждено найти подтверждения, но, может быть, кое-что подсмотрено и отмечено из природы души русского государства. Больше же всего верю, что только соединенными силами русской, свободной от партийной и традиционных шор мысли, наконец, удастся найти и осмыслить разгадку того огромного исторического явления, которое носит имя — Россия, чтобы сознательно идти по путям ее из того тумана, который окутал нас, русских, на первой четверти двадцатого века...»

В феврале 1945 г. Всеволод Никанорович вернулся на Родину, поселился в Хабаровске, где вскоре подготовил рукопись книги «Китай и его 24-я революция», после чего повез ее в Москву. Несмотря на восемь хвалебных рецензий, публиковать ее не стали, посчитав написанной «с неверных позиций», посоветовав автору «накупить книг по марксистско-ленинской философии и как следует проштудировать их». Затем в Хабаровске написаны были «Тайфун над Янцзы», «Шаньдунь», «Путь к алмазной горе», «Великий поход», «Дочь маршала» и др., где Иванов верно осветил трудный и сложный период освободительной борьбы китайского народа, за что и был отмечен правительственными наградами.

9 декабря 1971 г., на 84-м году жизни Всеволод Никанорович скончался, оставив большое литературное наследие, в том числе пять томов «Воспоминаний». В его бумагах имеется и множество афоризмов, частью написанных на конфуцианский манер. Вот некоторые из них:

*«Лестницу метут сверху, воду кипятят снизу.
Народом управляют сверху, а талант все же
произрастает снизу».*

«В тумане нужно стоять!»

*«Если ты ничего не сделал, кроме хороших детей,
все равно ты — мастер».*

⁸ Иванов Вс. Н. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933, с. 79.

⁹ Там же. С. 79–80.

*«Партия в улей дает рамку и воск; делают соты и заполняют их медом самостоятельные пчелы. У нас побеждают не политические идеи, а пред-
рассудки: самый вредный из всех — это верить, что единообразие это порядок, безмолвие — согласие и что истина не выигрывает при обсуждении мнений».*

«Время, в котором настоящее и будущее идут, позоря прошлое, — смута!»

«Почему так спокойно и неэнергично работают русские? И так много пьют? Они отдыхают от революций и войн?!»

«При огромном населении Китая опасность голода у него чудовищна. На решительные эксперименты он не пойдет».

«Культура наша произрастает под прямыми лучами жаркого солнца государства».

«Кто выигрывает войну? Тот, кто обороняется, — за ним прошлое, за ним богатство (в нищую страну не полезут), за ним национализм, за ним силы народа, оскорбленная правда. Кто проигрывает? Тот, кто нападает. У него план, замысел рассчитанный не на 100%, а на удачу, у него сила воли против силы правды. На нас напали: поляки, шведы, турки, французы, японцы, немцы, опять немцы, опять японцы, а верх взяли мы!»

«Семья — мера государства».

«Молодежь видит перемены, старики видят сохраняющееся в переменах».

«Когда говорят пошлости, то все слушают охотно. А доброе слушают неохотно — ведь слушая доброе, люди принимают некие обязательства».

«Как можно хулить Бога? Нельзя! — Если Его нет, это ни к чему! — Если есть — опасно, страшно! Добром не кончится».

«Мы как ленивые нерадивые ученики списываем то, что попадет у своих соседей к себе в тетрадки»...

«Я вам скажу,— гласит один из его афоризмов,— всю правду: книга — это спичка для разжигания костра ума». Такой «спичкой» являются многие его сочинения и прежде всего книга «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности».

В сентябре 2012 г. во Владивостоке, на уровне глав государств и правительств прошел очередной форум АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), и в первом номере журнала «ТАСС-форум», посвященного саммиту, позиция России была обозначена как «Ставка на Восток». Это событие дало «информационный повод» вспомнить предсказанное Вс. Н. Ивановым наступление Азиатско-Тихоокеанской эры, в которой России по объективным географическим причинам отведена существенная роль. Теперь же разногласия с Евросоюзом вновь направляют наши взоры в ту сторону, побуждая обратиться к творческому наследию Всеволода Никаноровича.

Урок, который он нам дает, — Европе Россия являет Восток, а Востоку — Европу. Наш очередной поворот к Востоку не должен привести к разрыву с Европой. Поворот к Китаю нужен и необходим прежде всего для собственного укрепления, усиления. Это не «натиск на Восток», не реализация экспансионистской концепции колонизации земель, не расширение «жизненного пространства» в конкурентной борьбе с другими народами. Оставаясь в собственных границах, мы должны максимально присутствовать и на Востоке. Почему именно там, это и объясняет Всеволод Никанорович Иванов в своих сочинениях. Но самое важное наставление он излагает в одном афоризме, претендующем на политическую формулу: «Китай — наставник консерватизма на весь мир. Он его мастер и специалист по нему». Так что, это тот «сосед», геополитический союзник, от которого нам не следует ожидать в обозримом будущем экспорта «цветных революций».